

— АЛЕКС СКАЙ —

ЗАПАСНАЯ ЖЕНА ДРАКОНА

Ребёнка не отдам

Алекс Скай

**Запасная жена
дракона. Ребенка не отдам**

«Литнет»

2026

Скай А.

Запасная жена дракона.Ребенка не отдам / А. Скай — «Литнет»,
2026

Я очнулась в чужом теле — в теле женщины, которую в доме Торнов называли запасной женой.Мой муж — драконий канцлер Рейгар Торн. Холодный, властный, опасный мужчина, привыкший решать судьбы одним приказом. Его сердце давно занято другой, его дом не считает меня хозяйкой, а мне оставили только северное крыло, молчаливых слуг и маленького сына, которого все называют наследником.Но для меня Арин — не наследник. Не печать. Не будущий символ империи.Он мой ребёнок.Совет драконов хочет забрать его ради трона. Прекрасная Селеста улыбается мне в лицо и шепчет, что матери мешают великим судьбам. А Рейгару придётся выбрать: остаться канцлером, которому удобна покорная жена, или впервые стать отцом, который не отдаст сына чужой власти.Я не стану просить любви. Не стану бороться за место рядом с мужчиной, который сам не понял, что потерял. Но я верну себе имя, дом и право говорить «нет».Потому что мой ребёнок — не для трона.

© Скай А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Запасная жена	5
Северное крыло	18
Ребёнок с драконьей печатью	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Запасная жена

Аделина открыла глаза в тот миг, когда чужая женщина склонилась над колыбелью и уже протянула руки к ребёнку.

Сначала она не поняла ничего.

Ни где находится, ни почему потолок над ней такой высокий, тёмный, рассечённый балками с резными драконьими мордами. Ни почему воздух пахнет холодным камнем, золой в давно погасшем очаге и влажным ветром, будто за стенами не дом, а целая северная крепость. Ни почему на ней тяжёлое платье с узкими рукавами, застёгнутое так неудобно, словно его придумывали не для живой женщины, а для красивой куклы, которую посадили у окна и велели молчать.

Она поняла только одно: женщина у колыбели собиралась забрать ребёнка.

Маленького. Сонного. С тёмными завитками на виске и с кулачком, прижатым к щеке.

Внутри Аделины что-то резко встало стеной.

Не мысль. Не воспоминание. Не разумное решение.

Просто — нельзя.

— Не трогайте его, — сказала она.

Голос прозвучал тихо, хриловато и чуждо. Не её голос. Ниже, мягче, с протяжной благородной выучкой, которой у неё прежде никогда не было. От собственного голоса по коже пробежал холод.

Женщина у колыбели вздрогнула так сильно, что длинная связка ключей на её поясе звякнула в тишине.

— Госпожа? — Она обернулась.

И Аделина увидела её лицо: сухое, бледное, с тонкими губами и внимательными глазами человека, который слишком много лет служил в чужом доме и привык замечать опасность раньше, чем её назовут вслух.

— Я сказала, — Аделина медленно приподнялась на локте, не сводя взгляда с ребёнка, — не трогайте его.

Женщина выпрямилась. На ней было простое тёмное платье, белый ворот, на плечах — связка серого шерстяного платка. Служанка? Управительница? Нянька? Аделина не знала. Она вообще ничего не знала, кроме того, что лежит в чужой постели, в чужом теле и защищает ребёнка, которого видит впервые.

Но странное дело: сердце уже узнало его.

Едва малыш шевельнулся во сне, в груди Аделины болезненно сжалось. Так, будто она много ночей сидела рядом с этой колыбелью. Будто знала, как он сопит, как морщит нос, когда ему снится что-то тревожное, как тянет к ней пальцы, ещё не проснувшись.

— Я лишь хотела поправить одеяло, госпожа, — осторожно сказала женщина. — В северном крыле холодно.

Северное крыло.

Слова отозвались внутри слабым, неприятным толчком. Не воспоминанием — обрывком. Каменный коридор. Закрытая дверь. Кто-то говорит надменно: «Для неё и этого достаточно». Чей-то смех. Женский, лёгкий, как серебряный колокольчик, и оттого особенно злой.

Аделина села.

Голова закружилась, но она удержалась, впившись пальцами в край покрывала. Покрывало было тяжёлым, тёмно-синим, с вышитым гербом: чёрный дракон, обвивший башню. Драконья пасть раскрыта, крылья подняты, на башне — корона.

Незнакомый герб. Незнакомая комната. Незнакомая жизнь.

Она повернула голову и увидела большое зеркало у стены.

Там сидела женщина лет двадцати пяти или чуть старше. Бледная, слишком худая для пышного платья, с длинными тёмно-русыми волосами, которые спутались на подушке. Лицо красивое, но красота эта казалась заброшенной: тонкие черты, серые глаза, тени под ними, губы без краски. Женщина в зеркале смотрела на Аделину так же потрясённо, как Аделина — на неё.

Она подняла руку.

Женщина в зеркале тоже.

— Госпожа Аделина? — спросила служанка уже иначе. В голосе появилась тревога. — Вам нехорошо?

Госпожа Аделина.

Имя будто упало в воду и подняло со дна мутные круги.

Аделина Торн.

Законная жена канцлера.

Запасная жена драконьего дома Торн.

Слова вспыхнули внутри одно за другим, чужими, острыми, как осколки разбитого бокала.

Рейгар Торн. Дракон. Канцлер империи. Муж, который не приходил неделями. Муж, который никогда не звал её по имени так, чтобы в этом было тепло. Муж, который однажды сказал ей за закрытыми дверями: «Вы получили имя Торн. Не требуйте большего».

Женщина, которую спрятали в северном крыле, пока в главном зале другая улыбалась её мужу так, будто уже примерила место хозяйки.

И мать мальчика, которого сегодня вечером собирались показать императорскому совету не как ребёнка, а как ключ к трону.

Арин.

Ребёнок в колыбели.

Её сын.

Нет. Не её.

И всё же — её.

Аделина медленно опустила ноги на пол. Камень под босыми ступнями оказался ледяным. Она едва не отдернула ногу, но заставила себя встать. Платье потянуло вниз тяжёлыми складками, будто само хотело вернуть её на постель и снова сделать слабой, удобной, неподвижной.

Она не позволила.

— Как вас зовут? — спросила она у женщины.

Та замерла.

Вопрос явно был неправильным. Так не спрашивали у тех, кто служит тебе много лет. Так не спрашивали, если память на месте.

Но Аделина уже сказала и не могла забрать слова назад.

— Марена, госпожа, — после паузы ответила женщина. — Я служу в северном крыле с тех пор, как вас сюда перевели.

Перевели.

Не поселили. Не проводили. Не пригласили.

Перевели.

Как вещь.

Аделина подошла к колыбели. Каждый шаг давался с трудом, но она сделала их все. Ребёнок спал, подложив ладошку под щёку. Совсем маленький. Двух лет? Может, меньше. На его тонком запястье темнела едва заметная отметина — не синяк, не родинка, а будто крошечная чешуйка, впаянная в кожу: тёмно-золотая, с мягким внутренним блеском.

Аделина коснулась края колыбели.

В ту же секунду по дереву прошла слабая искра. Не огонь. Не свет свечи. Просто короткое тёплое мерцание в резьбе.

Марена втянула воздух.

— Печать откликнулась, — прошептала она. — Наконец-то.

Аделина повернулась к ней.

— Какая печать?

На лице управительницы появилось выражение человека, который понял: беда глубже, чем казалось.

— Родовая, госпожа. Печать Торнов на колыбели наследника. Она не откликалась при вас ни разу с рождения господина Арина.

С рождения.

Значит, ребёнок был наследником. Или считался им. И именно поэтому за ним могли прийти.

Аделина провела пальцем по резному бортику. Внутри не было восторга. Только тревога, цепкая и холодная. Она ничего не знала об этом мире, о доме Торнов, о родах, о печатях, о драконах, о том, почему оказалась здесь. Но уже понимала главное: ребёнка хотели не потому, что любили.

Мир, в котором двухлетнего мальчика называли наследником, редко спрашивал, чего хочет сам мальчик.

Если за ним пришли сразу после её пробуждения, значит, в этом доме уже всё было решено без неё: сына готовили к передаче, мать — к молчанию.

За дверью раздались шаги.

Тяжёлые, уверенные, не служанкины. Потом — короткий стук. Даже не просьба войти, а предупреждение, что дверь сейчас откроется.

Марена выпрямилась. Лицо её стало строгим.

— Госпожа, это посланник из большого зала.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял молодой мужчина в тёмной форме с серебряным шитьём на воротнике. Высокий, вытянутый, с гладко зачёсанными волосами и глазами, в которых вежливость была тонким слоем льда. Он поклонился ровно настолько, насколько требовали правила, но не больше.

— Леди Торн, канцлер ожидает вас вечером в главном зале.

Аделина молчала, привыкая к тому, как неприятно звучит это «ожидает». Не приглашает. Не просит. Не желает видеть.

Ожидает.

— По какому поводу? — спросила она.

Мужчина чуть поднял брови.

— По распоряжению его светлости.

— Я спросила не от чьего имени, а по какому поводу.

Марена едва заметно повернула к ней голову. Посланник тоже услышал разницу. Видимо, прежняя хозяйка северного крыла так не говорила.

— Сегодня в доме Торнов будут представители императорского совета, — ответил он после короткой паузы. — Присутствие матери ребёнка необходимо.

Матери ребёнка.

Не жены. Не госпожи дома. Не Аделины.

Матери ребёнка.

То есть её требовали не как человека, а как приложение к Арину.

— Ребёнок тоже должен быть там? — спросила она.

— Господин Арин будет представлен позже, когда канцлер сочтёт нужным.

Аделина почувствовала, как пальцы сами сжались на краю колыбели. Марена заметила это и опустила глаза.

— Передайте канцлеру, что я приду, — сказала Аделина. — А ребёнок останется в северном крыле.

Посланник медленно выпрямился. В его взгляде мелькнуло что-то почти насмешливое.

— Леди Торн, распоряжения о господине Арине отдаёт его светлость.

— Сегодня нет.

Тишина стала такой плотной, что даже огонь в очаге, казалось, не посмел бы треснуть, если бы очаг не был холоден.

Мужчина поклонился ещё раз. Уже суше.

— Я передам ваши слова.

Когда дверь за ним закрылась, Марена некоторое время молчала. Потом тихо сказала:

— Госпожа, в этом доме не принято спорить с канцлером.

Аделина посмотрела на спящего сына.

— Значит, дому придётся привыкать.

Она сказала это спокойно. Слишком спокойно для женщины, которая ещё час назад, возможно, не принадлежала ни этому телу, ни этому миру. Но внутри у неё не было места панике. Паника требовала роскоши: времени, безопасности, права лечь обратно и закрыть глаза. У неё ничего этого не было.

У неё был ребёнок, которого собирались куда-то представить.

И муж, который считал, что её согласие не требуется.

К вечеру северное крыло окончательно показало ей, каким было её место в доме Торнов.

Комнаты оказались большими, но почти пустыми. Дорогая мебель стояла под белёсыми чехлами, словно здесь давно не ждали гостей. В коридорах гулял сквозняк. Портьеры потемнели от времени. На стенах висели портреты незнакомых людей с одинаково холодными глазами, и ни один из них будто не признавал женщину, которой велели жить под их взглядом.

Марена помогала ей одеться без лишних вопросов. Или делала вид, что без вопросов. Это было даже хуже. Молчаливое знание служанки давило сильнее прямого расспроса.

— У меня есть другие платья? — спросила Аделина, глядя на чёрное с серебром платье, которое Марена вынула из шкафа.

— Это единственное, которое подходит для большого зала, госпожа.

— Подходит кому?

Марена застыла с корсажем в руках.

— Простите?

Аделина коснулась ткани. Дорогая. Безупречно сшитая. Но в ней было что-то унижительное. Не цвет траура, нет. Скорее цвет тени. Платье говорило: я не хозяйка праздника, не жена главы рода, не женщина, к которой обращены взгляды. Я присутствую, потому что так велели.

— Оно подходит им, — сказала Аделина. — Чтобы я выглядела тихо.

Марена не ответила.

Аделина повернулась к шкафу. Там висело ещё несколько платьев попроще. Бледные, невыразительные, с выцветшей вышивкой. Но в самом углу она увидела тёмно-вишнёвую ткань. Не новую, не парадную, но живую. Глубокий цвет спелой ягоды на снегу.

— Это.

Марена медленно вынула платье.

— Госпожа, его давно не надевали. Оно не по дворцовому протоколу для такого вечера.

— Тем лучше.

— Канцлер может быть недоволен.

Аделина встретила её взгляд в зеркале.

— Марена, канцлер и так недоволен тем, что я дышу не по его распоряжению. Платье уже ничего не испортит.

Управительница впервые едва заметно дрогнула уголком рта. Не улыбнулась — нет. Но в её строгом лице появилась маленькая трещина, через которую мелькнуло что-то человеческое.

Когда Аделина вышла из спальни, Арин уже проснулся.

Он сидел на ковре возле колыбели, обняв деревянного дракончика без одного крыла. Рядом присела молодая девушка-служанка, но малыш смотрел не на неё. На Аделину.

Серьёзно. Очень тихо. Так, как смотрят дети, которые слишком рано научились не мешать взрослым.

И это ударило сильнее всего.

Не его знак на руке. Не титул наследника. Не чужой дворец.

А этот взгляд.

Мальчик не бросился к ней. Не засмеялся. Не позвал. Он просто смотрел и ждал, будет ли сегодня мама доброй, усталой, испуганной, далёкой или снова такой тихой, что её почти нет.

Аделина опустила перед ним на колени. Платье шуршало вокруг, каменный пол холодил даже через ткань, но она не обратила внимания.

— Арин, — сказала она.

Имя легло на язык так естественно, будто она произносила его тысячу раз.

Мальчик моргнул.

— Мама?

Слово было осторожным. Не радостным. Вопросом.

Аделина почувствовала, как внутри что-то болезненно надломилось.

Она не знала, кем была прежняя Аделина. Слабой? Сломленной? Напуганной? Женщиной, которую загнали в северное крыло и годами учили не поднимать глаз? Возможно, та Аделина любила сына, но не могла защитить даже себя.

Новая — могла.

Или хотя бы собиралась научиться.

— Да, — тихо ответила она. — Я здесь.

Арин протянул ей дракончика.

— Он упал.

Аделина взяла игрушку. Одно крыло было сломано давно, неровный край потемнел от детских пальцев.

— Мы его починим, — сказала она.

Марена за спиной едва слышно кашлянула. Слишком много обещаний для первого вечера, слишком мало понимания, как устроен этот дом. Но Аделина всё равно вернула игрушку ребёнку и провела ладонью по его волосам.

— Я скоро вернусь. Ты останешься здесь. С Мареной.

— Там будет отец? — спросил Арин.

Вопрос был тихий-тихий.

Аделина не сразу ответила.

Отец.

Рейгар Торн. Драконий канцлер. Человек, который требовал её в зал, но не пришёл сам в северное крыло. Человек, чьего сына собирались представить совету, как представляют знамя, печать или право на землю.

— Будет, — сказала она наконец.

— Он сердится?

Слишком взрослый вопрос для маленького ребёнка.

Аделина наклонилась и поправила ворот его рубашки, хотя поправлять там было нечего.

— Это не твоя забота.

— Он всегда сердится, когда я шумлю.

У неё не было права возненавидеть Рейгара сразу. Она слишком мало знала. Воспоминания прежней хозяйки тела поднимались обрывками, путаными тенями, и ни одно ещё не стало целым. Но в эту секунду Аделине захотелось войти в большой зал не в вишнёвом платье, а в броне.

— Тогда сегодня ты будешь шуметь сколько захочешь, — сказала она. — Но только в северном крыле.

Арин впервые улыбнулся.

Маленькая, неуверенная улыбка. Как луч в щели закрытых ставен.

И ради этой улыбки Аделина готова была выйти против любого дракона.

Большой зал дома Торнов находился в другой части дворца, и дорога к нему оказалась длиннее, чем она ожидала.

Сначала — холодные коридоры северного крыла, где слуги отводили глаза, будто боялись, что взгляд на хозяйку сделает их виноватыми. Потом — широкий переход с окнами в сад. За стеклом сгущались ранние сумерки, голые ветви царапали небо, а над дальними крышами поднимались башни главного корпуса. Там горел свет. Много света. Тёплого, золотого, богатого. Дом словно разделили на две жизни: одну — для тех, кого показывают гостям, другую — для тех, кого держат за закрытыми дверями.

Аделина шла без сопровождения, кроме Марены. Не потому, что так хотела. Потому что за ней никого не прислали.

На лестнице перед главным крылом стояли двое стражников. Оба поклонились, но так синхронно и безучастно, будто кланялись не ей, а гербу на её платье. Вишнёвый цвет заставил одного из них задержать взгляд на мгновение дольше. Аделина заметила. Запомнила.

В новом мире она пока не знала законов, но знала людей. Взгляд, пауза, невольное движение плеча — всё это говорило громче слов.

Перед дверями большого зала Марена остановилась.

— Дальше вам одной, госпожа.

— Вас не пустят?

— Сегодня — нет.

Аделина посмотрела на высокие створки. Чёрное дерево, серебряные драконы, тяжёлые ручки в форме когтей. За дверью звучали голоса. Мужские, женские, размеренные. Иногда смех. Мягкий звон бокалов.

Там не ждали беды.

Там ждали удобную женщину, которая войдёт, склонит голову и подтвердит, что её ребёнком можно распоряжаться.

— Марена, — сказала Аделина, не поворачиваясь, — если кто-то придёт за Арином...

— Я запру северное крыло.

— Если прикажет канцлер?

Марена помолчала.

— Тогда я скажу, что не нашла ключей.

Аделина повернулась к ней.

Управительница смотрела прямо, сухо и почти сурово, но теперь эта суровость была не против Аделины. Рядом с ней.

— Спасибо, — сказала Аделина.

— Не благодарите заранее, госпожа. В этом доме за потерянные ключи иногда платят дорого.

— Значит, я постараюсь сделать так, чтобы платить пришлось не вам.

Марена опустила голову. Уже не как служанка перед обязанностью. Как человек, который впервые за долгое время услышал от хозяйки не страх, а обещание.

Двери распахнулись.

Голоса в зале не стихли сразу. Сначала несколько человек обернулись. Потом ещё. Потом волна молчания прошла по залу медленно, почти красиво, как тень от крыла.

Аделина вошла.

Большой зал дома Торнов был великолепен и холоден. Высокие окна уходили почти к потолку, между ними висели знамёна с чёрным драконом. Вдоль стен стояли канделябры, свет дрожал на серебряной посуде, на полированных кубках, на драгоценных застёжках и камнях в женских причёсках. Над камином возвышался огромный рельеф: дракон, склонивший голову перед коронованной башней.

У длинного стола собрались люди, которым явно не приходилось просить разрешения войти куда-либо. Старшие лорды, дамы, советники, представители императорского двора. Они смотрели на Аделину с любопытством, раздражением, скукой, скрытой насмешкой.

И с облегчением.

Словно решили: пришла. Значит, всё будет как задумано.

На дальнем конце зала стоял Рейгар Торн.

Аделина узнала его прежде, чем память подсказала имя.

Некоторых людей узнаёшь не по лицу, а по тому, как вокруг них меняется воздух.

Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле без лишних украшений, с серебряной цепью канцлера на груди. Волосы тёмные, почти чёрные, убраны назад. Лицо резкое, красивое, но в этой красоте не было мягкости — только воля, власть и привычка к повиновению. Глаза — тёмно-янтарные, нечеловечески внимательные, с таким глубоким внутренним жаром, что сразу становилось ясно: дракон в нём не метафора.

Он смотрел на неё без улыбки.

На миг в памяти вспыхнуло: эти глаза над ней, холодный голос, запах грозы и камня.

«Вы будете жить в северном крыле. Так будет удобнее всем».

Всем.

Аделина остановилась у начала стола и присела в реверансе. Достаточно глубоком, чтобы не нарушить приличия. Достаточно коротком, чтобы не стать покорностью.

Рейгар заметил.

Его взгляд скользнул по её платью. На вишнёвом цвете задержался едва заметно.

— Леди Торн, — произнёс он.

Не жена. Не Аделина.

— Ваша светлость, — ответила она.

В зале кто-то тихо вдохнул. Возможно, это обращение тоже было неправильным. Слишком официальным для супруги. Слишком холодным для женщины, которую привыкли видеть сломленной.

Хорошо.

Пусть привыкают.

— Мы уже начали обсуждение, — сказал Рейгар.

— Я заметила.

Пауза.

Слева от канцлера раздался лёгкий женский смех.

Аделина перевела взгляд.

Селеста Вейл оказалась именно такой, какой её хотелось бы ненавидеть с первого взгляда, если бы ненависть не была слишком щедрым подарком. Светлые волосы уложены безупречно. Платье цвета тёплого золота открывало плечи ровно настолько, чтобы это выглядело не дерзостью, а правом. На шее — тонкая цепочка с чёрным камнем. В руках — бокал, который она держала не как гостя, а как женщина, давно считающая этот зал своим.

Она сидела рядом с местом хозяина.

Рядом с Рейгаром.

И улыбалась Аделине так мягко, будто встречала бедную родственницу, которую из милосердия пустили к столу.

— Леди Торн, — сказала Селеста, и её голос оказался нежным, почти певучим. — Как приятно видеть вас среди нас. Мы уже начали беспокоиться, не слишком ли суров северный воздух для вашего... уединения.

Несколько гостей улыбнулись.

Аделина поняла сразу: это была ловушка. Ответь резко — будешь истеричной. Промолчи — проглотить унижение. Попробуй оправдаться — подтвердишь, что место твоё действительно там, где тебя спрятали.

Она спокойно посмотрела на Селесту.

— Благодарю за беспокойство. Северный воздух бодрит. А уединение иногда позволяет видеть дом яснее, чем тем, кто всё время проводит при ярком свете.

Улыбка Селесты не исчезла, но стала тоньше.

Рейгар чуть повернул голову. Не к Селесте — к Аделине.

Впервые за вечер в его взгляде появилось нечто похожее на интерес.

— Сядьте, — сказал он.

Для неё оставили место почти в середине стола. Не рядом с мужем. Не напротив него. Между пожилой дамой в жемчугах и худым лордом с длинными пальцами. Место достаточно заметное, чтобы все видели её присутствие, но достаточно далёкое, чтобы никто не перепутал её с хозяйкой.

Аделина села. Спина прямая, руки спокойно легли на колени. Она не стала искать глазами поддержки. Это было бы ошибкой. В хищном зале слабость чувствовали быстрее, чем запах дыма.

Рейгар не стал затягивать.

— Сегодня в доме Торнов присутствуют представители императорского совета, — сказал он. Его голос заполнил зал без усилия. — Повод известен большинству из вас. После последних решений двора вопрос о преемственности вновь открыт.

Аделина слушала и одновременно наблюдала.

Старый лорд справа от Селесты чуть наклонился вперёд. Дама в жемчугах поджала губы. Молодой советник у стены не сводил взгляда с Рейгара. Слуги двигались тише обычного.

Значит, это важно. Не семейный ужин. Не простое объявление.

Рейгар продолжал:

— Императорский дом нуждается в устойчивости. Роды нуждаются в ясном праве. Кровь Торнов связана с древним договором, и мой сын Арин будет представлен совету как возможный наследник, чья линия может быть признана достаточной для сохранения равновесия.

Мой сын.

Не наш.

Аделина почувствовала, как в груди поднимается холодная ярость. Не крикливая, не слепая — ясная. Ровная. Опасная.

— До окончательного решения, — сказал Рейгар, — ребёнок будет находиться под особой защитой дома Торнов и императорского совета.

Особая защита.

Она уже научилась слышать, что в этом доме прячут за красивыми словами.

Особая защита означала: заберут.

Совет означал: решат без матери.

Дом Торнов означал: Рейгар.

Аделина подняла взгляд на мужа. Он говорил без колебаний. Ни разу не посмотрел на неё, пока произносил решение об Арине. Будто её реакция не имела веса.

Селеста же смотрела.

И улыбалась.

Мягко. Почти сочувственно.

— Разумеется, — произнёс худой лорд рядом с Аделиной, — леди Торн понимает важность момента.

Все взгляды повернулись к ней.

Вот он. Настоящий смысл её вызова. Ей не предлагали участие. Её вывели как печать под готовым договором. Материнское молчание должно было стать согласием.

Аделина неторопливо взяла бокал с водой. Сделала маленький глоток. Поставила обратно. Руки не дрожали.

— Леди Торн, — сказал Рейгар. — Вы понимаете?

В его голосе звучало предупреждение.

Не спрашивай. Не спорь. Не ставь меня перед ними в неудобное положение.

Аделина почти услышала прежнюю себя — не свою, но ту, чьи страхи ещё жили в стенах этого тела. Та женщина, возможно, опустила бы глаза. Согласилась бы. Потом ночью плакала бы у колыбели, слишком поздно поняв, что сына уже не вернуть в обычную детскую, где игрушечный дракон потерял крыло.

Аделина не опустила глаз.

— Я понимаю, что речь идёт о моём ребёнке.

Тишина стала мгновенной.

Даже Селеста перестала улыбаться на один вдох.

Рейгар медленно повернулся к ней всем корпусом.

— Наш сын принадлежит роду Торнов.

— Сын не принадлежит роду, ваша светлость. Он носит имя рода.

В зале кто-то тихо ахнул.

Рейгар смотрел на неё так, будто пытался понять, где именно в знакомом механизме сломалась шестерня. Наверное, прежняя Аделина никогда бы не сказала такого при гостях. Никогда бы не поставила материнское право выше родового.

— Вы забываетесь, — произнёс он низко.

— Напротив. Кажется, я наконец начала вспоминать.

Опасная фраза.

Слишком близкая к правде.

Но она уже была сказана.

Селеста мягко вмешалась:

— Дорогая леди Торн, никто не желает вам зла. Вам стоит радоваться. Не каждой женщине выпадает честь родить ребёнка, способного укрепить империю.

Аделина посмотрела на неё.

— Ребёнка рожают не для того, чтобы укреплять стены чужой власти.

Селеста склонила голову набок.

— Как трогательно. Но иногда личные чувства должны уступать долгу. Если вы устали, я могла бы взять заботу об Арине на себя на несколько дней. Ребёнку рядом с троном нужна спокойная рука, а не страх матери.

— Согласна, — спокойно сказала Аделина. — Именно поэтому я удивлена, что за столом так много людей, готовых обсуждать долг матери, но так мало тех, кто вспомнил о долге отца.

На этот раз молчание стало не просто напряжённым. Оно стало опасным.

Рейгар поднялся.

Медленно.

Весь зал будто стал ниже под его тенью. Свет канделябров дрогнул, и на стене за его спиной крылатый рельеф дракона ожил в колебании пламени.

— Леди Торн, — сказал он, — совет не собирался лишать вас положения матери. Речь идёт о безопасности.

— Формально мальчик является объектом наследной передачи, — сухо заметил худой советник у стены.

Рейгар даже не повернул головы, но воздух в зале сразу стал тяжелее.

— Никогда больше не называйте моего сына объектом, лорд Харрен, — произнёс он. — Ни при мне, ни при его матери.

Аделина не смягчилась. Но услышала.

— Чьей?

— Арина.

— Тогда почему его безопасность обсуждают без него, без меня и до того, как я дала согласие?

— Потому что он слишком мал, чтобы решать.

— А я?

Рейгар замолчал.

Аделина встала тоже. Не резко. Без театральности. Просто поднялась, потому что сидя защищать ребёнка было невозможно.

Она чувствовала десятки взглядов. Кто-то ждал её провала. Кто-то — приказа канцлера. Кто-то уже мысленно записывал каждое слово, чтобы завтра повторить в нужных комнатах.

Хорошо.

Пусть повторяют.

Пусть весь двор услышит.

— Я не знаю всех ваших законов так хорошо, как вы, — сказала Аделина. — Я не была на заседаниях совета. Меня не приглашали к столу, когда решались вопросы рода. Мне оставили северное крыло и тишину. Возможно, вы рассчитывали, что этого достаточно, чтобы женщина забыла собственный голос.

Она видела, как изменилось лицо Рейгара. Не смягчилось. Нет. Но стало собраннее, внимательнее.

Аделина продолжала:

— Но я знаю одно. Арин — маленький ребёнок. Он боится громких голосов. Он держит в руках деревянного дракона со сломанным крылом. Он спрашивает, сердится ли отец, прежде чем решается улыбнуться. И если вы думаете, что после этого я позволю кому-то превратить его в знак на императорском документе, вы ошибаетесь.

Селеста медленно поставила бокал на стол.

— Какой неожиданный пыл, — произнесла она. — Жаль, что он проснулся именно тогда, когда империи понадобился порядок.

Аделина не ответила ей сразу. Она смотрела на Рейгара. Потому что решение было за ним. Потому что пока именно он стоял между её сыном и залом, полным людей, которым ребёнок был нужен как ключ.

— Вы можете не любить меня, — сказала она тише. — Можете держать меня в северном крыле. Можете называть запасной женой так долго, как вам угодно. Но если вы хотите назвать себя отцом, начните хотя бы с того, что увидите в своём сыне не наследника, а ребёнка.

Впервые за вечер в глазах Рейгара что-то вспыхнуло.

Злость? Боль? Узнавание?

Аделина не знала.

Он сделал шаг к ней.

— Вы не понимаете, во что вмешиваетесь.

— Возможно.

— Совет не будет ждать.

— Пусть учится.

— Императорский двор не принимает отказов от тех, кто обязан ему кровью.

— Значит, передайте двору, что кровь моего сына пока слишком мала для их короны.

Дама в жемчугах закрыла рот веером. Кто-то за спиной шепнул: «Безумие». Худой лорд рядом с Аделиной отодвинулся, будто её слова могли обжечь.

Рейгар остановился напротив неё.

Теперь между ними оставалось всего несколько шагов. Он был выше, сильнее, опаснее. От него исходило то самое ощущение грозы, которое жило в обрывках чужой памяти. Любой разумный человек, наверное, отступил бы.

Но за северными дверями спал Арин.

И Аделина не отступила.

— Вы сделаете так, как решит дом Торнов, — сказал Рейгар.

— Дом Торнов начинается не с совета и не с трона. Он начинается с тех, кого вы обязаны защищать.

— Осторожнее, Аделина.

Имя.

Он впервые произнёс её имя.

Низко. Почти угрожающе. Но всё равно это было имя, а не титул.

Она почувствовала странный, неуместный отклик внутри — не свой, старый, женский, израненный. Прежняя Аделина, возможно, ждала этого годами. Одного имени. Одного взгляда. Одного доказательства, что её видят.

Новая Аделина не собиралась платить за это сыном.

— Я буду осторожна, — сказала она. — Но не послушна.

Селеста поднялась.

— Рейгар, — мягко произнесла она, и в этом одном имени было больше власти, чем во всех её улыбках. — Не стоит устраивать семейную сцену перед советом. Леди Торн устала. Ей нужно вернуться в своё крыло и подумать до утра.

Вернуться в своё крыло.

Как собаку — в клетку.

Аделина медленно повернула голову.

— Селеста, верно?

В зале снова стало тихо.

Селеста улыбнулась.

— Леди Селеста Вейл.

— Простите. В северном крыле плохо слышно, как представляют тех, кто сидит на месте хозяйки.

Улыбка Селесты застыла.

Теперь уже Рейгар резко посмотрел на Аделину, но было поздно. Слова легли в зал, как клинок на стол.

Аделина не стала развивать удар. Она уже сказала достаточно. Больше — означало бы сорваться в мелочную ревность, а она не ревновала. Она вообще пока не знала, что чувствует к этому мужчине, кроме недоверия и злости. Но точно знала: в доме, где её унижали молчанием, первое оружие — назвать вещи своими именами.

— Я вернусь в северное крыло, — сказала она. — К сыну.

Рейгар напрягся.

— Арин останется под охраной главного дома.

— Нет.

Одно слово.

Не громкое. Не истеричное. Не украшенное объяснениями.

Просто нет.

И зал услышал его так, будто над столом треснула невидимая печать.

Рейгар смотрел на неё, и теперь в его взгляде не было скуки, с которой он встретил её появление. Не было уверенности, что всё уже решено. Перед ним стояла женщина с лицом его жены, в платье неправильного цвета, с глазами, в которых прежняя покорность сгорела дотла.

— Вы отказываете канцлеру империи? — спросил он.

Аделина подняла подбородок.

— Я отвечаю отцу моего ребёнка.

— И ваш ответ?

Она услышала, как где-то за окнами ветер ударил в стекло. Вспомнила холодный пол северного крыла, сломанное крыло деревянного дракончика, осторожное «мама?» и детский вопрос: «Он сердится?»

Нет, Арин.

Сегодня он будет сердиться не на тебя.

— Моего сына не заберёт ни совет, ни двор, ни родовая печать, ни трон, — сказала Аделина. — И вы тоже не заберёте.

Лицо Рейгара стало неподвижным.

— Вы не знаете, какую цену имеет такой отказ.

— Узнаю.

— Вы не выдержите.

— Проверим.

Селеста тихо выдохнула, будто услышала что-то почти неприличное. Советники переглянулись. У стола началось движение, но никто не решился говорить первым.

Аделина сделала шаг назад, сохраняя достоинство, и присела в коротком реверансе.

— Доброй ночи, ваша светлость. Господа советники. Леди Вейл.

Она повернулась и пошла к дверям.

Каждый шаг отдавался в зале громче, чем должен был. Никто не остановил её. Возможно, потому, что все ждали приказа Рейгара. Возможно, потому, что сам Рейгар не мог решить, какой приказ отдать при свидетелях.

У самых дверей его голос настиг её:

— Аделина.

Она остановилась, но не обернулась.

— До рассвета вы передумаете.

Вот теперь она повернулась.

Медленно.

И посмотрела на него через весь зал — на мужчину, который привык, что рассветы подчиняются его расписанию, письма — его печати, люди — его голосу, а женщины — его решениям.

— Нет, Рейгар, — сказала она впервые, назвав его по имени. — До рассвета вы поймёте, что я сказала это всерьёз.

Двери открылись перед ней.

За ними ждал тёмный коридор, Марена с побледневшим лицом и далёкое северное крыло, где спал ребёнок, которому уже примеряли корону, не спросив, нужна ли она ему.

Аделина вышла из большого зала, не ускорив шага.

Только когда двери закрылись за спиной, она позволила себе вдохнуть глубже.

Марена смотрела на неё так, будто перед ней стояла не та женщина, которую утром она пыталась поднять с постели.

— Госпожа, — тихо сказала управительница, — что вы сделали?

Аделина посмотрела в сторону северного крыла.

Где-то там, за холодными коридорами, был её сын. Не по крови прежней жизни, не по памяти, которая принадлежала другому телу, а по решению, принятому в тот миг, когда чужая женщина протянула к нему руки.

— Я начала, — ответила она.

И в эту секунду, далеко за закрытыми дверями большого зала, в стенах дома Торнов глухо отозвался первый удар древней родовой печати.

Северное крыло

Родовая печать ударила второй раз, когда Аделина уже шла по тёмному переходу к северному крылу.

Не громко — глухо, изнутри стен, будто где-то в глубине дворца проснулся огромный механизм, давно заросший пылью и молчанием. Камень под подошвами едва заметно дрогнул. Серебряные драконьи накладки на стенах вспыхнули слабым янтарным отсветом и тут же погасли, оставив после себя только ощущение, что дом Торнов больше не спит.

Марена остановилась так резко, что край её тёмной юбки качнулся у каменных ступеней.
— Этого не было много лет, — сказала она почти беззвучно.

Аделина тоже остановилась, хотя ей хотелось идти быстрее. К Арину. В северное крыло. К единственному месту в этом чужом мире, где у неё уже было нечто большее, чем имя на чужом гербе.

— Что именно? — спросила она.

Марена оглянулась на закрытые двери большого зала. Там всё ещё оставались Рейгар, Селеста, советники и те, кто привык решать судьбы за длинными столами. Оттуда не доносилось ни слова, но Аделине почему-то казалось, что молчание за дверями стало тяжелее крика.

— Печать дома, госпожа. Не та, что на колыбели. Главная.

— И что она означает?

Марена не ответила сразу. Её сухое лицо было спокойным, но в глазах появился страх. Не тот, что заставляет отступить. Другой — старый, выученный, осторожный.

— Дом услышал спор крови.

Аделина медленно вдохнула. В этом мире даже стены, казалось, имели своё мнение о семейных ссорах.

— Спор крови? — повторила она.

— Когда два права сталкиваются внутри одного рода. Право главы и право матери наследника. Такое случалось раньше, но... — Марена осеклась.

— Но не со мной?

— С вами, госпожа, вообще мало что случалось так, чтобы дом это заметил.

Фраза прозвучала не грубо. Скорее горько. И оттого больнее.

Аделина продолжила путь. Переход, соединяющий главное крыло с северным, вдруг показался ей не просто коридором, а границей между двумя мирами. Позади — свет, золото, чужая уверенность, места за столом, распределённые так, чтобы каждый понимал своё положение. Впереди — холод, пустые комнаты, слуги, которым не платили вовремя, и ребёнок со сломанным деревянным драконом.

И всё же Аделина впервые за этот странный день почувствовала, что северное крыло не только тюрьма.

Тюрьма не откликается на отказ.

Тюрьма не бьёт в стены, когда её хозяйка говорит «нет».

У дверей северного крыла их ждали двое слуг. Молодая девушка, которую Аделина видела при Арине, и худой пожилой мужчина в вытертом камзоле. Оба стояли так напряжённо, будто готовились услышать приговор.

— Госпожа, — девушка присела в неровном поклоне. — Господин Арин проснулся. Он спрашивал вас.

У Аделины сжалось сердце.

— Он испугался?

— Спросил, сердится ли отец, — тихо сказала девушка и опустила глаза.

Ответ ударил точно туда, где и без того всё болело.

Аделина вошла в детскую без стука. Арин сидел на ковре, уже в ночной рубашке, и прижимал к себе деревянного дракончика. Около окна дрожала тонкая свеча, за стеклом метался ветер, а в углу почти не горел очаг — не потому что некому было подбросить дров, а потому что дров почти не было.

В доме драконьего канцлера.
Для ребёнка наследной крови.
Почти не было дров.
Аделина запомнила это тоже.

Арин поднял голову. Его глаза были сонными, но слишком внимательными для малыша, которого должны были беречь от взрослых тревог.

— Мама?

Она подошла и опустилась рядом, не думая о платье, о холодном полу, о том, как выглядит перед слугами.

— Я вернулась.
— Отец сердился?

Такой же вопрос. Снова не о себе, не о зале, не о гостях. О том, не стал ли он причиной чужого гнева.

Аделина взяла его маленькую ладонь в свою. На запястье тихо мерцала тёмно-золотая чешуйка, будто в коже ребёнка дремала искра.

— Отец разговаривал громко, — сказала она честно. — Но это не из-за тебя.

Арин нахмурился, пытаясь понять разницу.

— А из-за кого?
— Из-за меня.

Мальчик потрогал пальцем сломанное крыло игрушечного дракона.

— Ты шумела?

Аделина впервые за весь вечер почти улыбнулась.

— Немного.
— Марена сказала, в большом зале нельзя шуметь.

— Марена права. Но иногда взрослые называют шумом то, что им просто не нравится слышать.

Арин подумал над этим с серьёзностью маленького судьи, потом кивнул, будто принял её объяснение за новый закон мира. От этого кивка Аделине захотелось одновременно рассмеяться и прижать его к себе так крепко, чтобы ни один совет, ни один канцлер, ни одна родовая печать не смогли забрать его из этого хрупкого круга тепла.

Она не сделала этого. Дети, которые привыкли ждать осторожно, могут испугаться резкой любви так же, как резкого окрика.

Поэтому она просто поправила одеяло на его коленях.

— Сегодня ты спишь здесь, — сказала она. — В своей комнате. Никуда не идёшь. И если кто-то придёт без меня, ты зовёшь Марену.

Арин поднял глаза.

— А если отец?

Вопрос снова был слишком взрослым.

Аделина не отвела взгляда.

— Особенно если отец.

У двери кто-то тихо втянул воздух. Кажется, молодая служанка. Марена же промолчала, но Аделина почти физически ощутила, как это молчание становится решением.

— А он не рассердится ещё сильнее? — спросил Арин.
— Может быть.
— Тогда зачем?

Аделина посмотрела на его пальцы, сжавшие игрушку. Маленькие пальцы. Маленькая ладонь. Целая империя уже тянула к ней руки, а он спрашивал, можно ли не сердить отца.

— Потому что ты не должен бояться быть ребёнком, — сказала она. — Ни передо мной. Ни перед ним. Ни перед кем.

Арин не понял всех слов. Это было видно. Но, возможно, понял голос. Он медленно придвинулся ближе и положил голову ей на колени.

Аделина застыла.

Это доверие было таким тихим, таким осторожным, что любое движение могло его спугнуть. Она сидела, чувствуя тяжесть маленькой головы сквозь ткань платья, и смотрела в темнеющее окно, пока в горле не исчез острый ком.

Марена сама вывела слуг из комнаты, оставив их вдвоём. Когда Арин наконец уснул, Аделина осторожно перенесла его в кровать. Деревянного дракончика она положила рядом, сломанным крылом к стене, будто так могла прикрыть эту маленькую беду от мира.

В коридоре Марена ждала с подсвечником.

— Кто ещё служит в северном крыле? — спросила Аделина вместо того, чтобы идти спать.

Марена посмотрела на неё внимательно.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Вы устали, госпожа.

— Я попала в чужой мир, поссорилась с канцлером империи, отказала совету и пообещала ребёнку, что его не заберут. Усталость подождёт.

Марена не переспросила про чужой мир. Возможно, не поняла. Возможно, решила, что госпожа говорит образно. А может, в доме Торнов слуги давно научились не цепляться к словам, за которые можно дорого заплатить.

— В северном крыле осталось восемь человек, — сказала она. — Я, девочка Нисса, старый дворецкий Орвен, две горничные, кухарка Тильда, конюший Гарт, хотя конюшни здесь почти пусты, и мальчик при дворе, Лин. Иногда приходит прачка из нижних служб, если ей позволят.

— Восемь человек на целое крыло?

— Раньше было больше.

— Почему ушли?

Марена шла рядом с ней по коридору. Свеча освещала стены рывками: портрет, трещина в лепнине, потемневшая позолота на раме, закрытая дверь, ещё одна закрытая дверь.

— Кого перевели в главное крыло, кого сократили. Кто сам попросился прочь. Здесь холодно, мало работы и мало надежды.

— А жалованье?

Марена не сразу ответила.

Вот это молчание Аделина поняла без подсказок.

— Сколько вам должны? — спросила она.

— Госпожа, это не вопрос для ночи.

— Марена.

Управительница остановилась у окна, за которым ветви старого дерева били по стеклу. В жёлтом свете подсвечника её лицо казалось вырезанным из сухого дерева.

— Три месяца полностью. До этого платили частями. Иногда тканью, иногда остатками провизии, иногда обещаниями казначея.

Аделина медленно повернулась к тёмному коридору, где за закрытыми дверями спали люди, которых этот дом держал на краю собственного величия.

Три месяца.

В главном зале сегодня блестели бокалы, серебро, камни в причёсках, золото на платье Селесты. А в северном крыле люди получали остатки и обещания.

— Почему вы остались? — спросила она.

Марена тоже посмотрела в коридор.

— Кто-то должен был оставаться с господином Арином.

Простой ответ. Без украшений. Без просьбы о благодарности.

Аделина впервые внимательно посмотрела на эту женщину — не как на часть чужого быта, а как на человека, который уже сделал выбор, пока хозяйка северного крыла ещё только училась стоять прямо.

— Завтра утром вы принесёте мне все счета северного крыла, — сказала Аделина.

— У вас нет доступа к родовой казне.

— Я спросила не про родовую казну.

Марена прищурилась.

— У вас почти нет личных средств, госпожа.

— Почти — это не ничего.

— Ваше содержание проходит через канцелярию главного дома. После перевода сюда расходы были сокращены.

— Кем?

— Приказом управляющего, утверждённым его светлостью.

Вот оно. Ещё один камень в основании северной тюрьмы.

Аделина кивнула.

— Значит, начнём с того, что выясним, куда уходило то, что не дошло сюда.

— Это может быть опасно.

— Марена, в этом доме опасно даже молчать. Я выбираю хотя бы понимать, за что именно мне угрожают.

Управительница смотрела на неё долго. Потом неожиданно сделала короткий поклон.

— Счета будут у вас на рассвете.

— И список всех людей, которым должны.

— Да, госпожа.

— И ключи от закрытых комнат.

Марена чуть напряглась.

— Не все ключи у меня.

— Какие есть.

— Некоторые двери в северном крыле не открывались много лет.

— Тем лучше. В местах, куда давно не заглядывали, иногда сохраняется правда.

Марена ничего не ответила, но её взгляд скользнул к дальнему концу коридора. Там, за двумя поворотами, темнела ещё одна галерея — узкая, почти забытая, где не горела ни одна свеча.

Аделина заметила.

И запомнила.

На рассвете северное крыло проснулось не от колокола главного дома, а от голоса Марены.

Она построила всех восьмерых слуг в малой гостиной — комнате с высоким потолком, потускневшими обоями и огромным круглым столом, на котором пыль успела лечь так ровно, будто её тоже когда-то назначили частью обстановки.

Аделина вошла без корсета, в простом тёмном платье, которое Марена нашла в одном из сундуков. Волосы были заплетены низко, без украшений. После почти бессонной ночи под глазами залегли тени, но она не стала их прятать. В этом доме слишком долго ценили видимость. Ей нужна была не видимость, а опора.

Слуги поклонились.

Нисса — та самая молодая девушка — сделала это поспешно, едва не задев локтем Орвена. Старый дворецкий поклонился безупречно, хотя его камзол блестел на локтях от старости. Кухарка Тильда смотрела прямо, с настороженным недоверием женщины, которая привыкла считать мешки крупы лучше, чем господские обещания. Гарт, широкоплечий конюший с перевязанной у запястья кожаной лентой, стоял у двери, будто готов был уйти в любой миг. Мальчик Лин, совсем подросток, держал в руках стопку поленьев, потому что, видимо, его выдернули прямо с работы.

Аделина оглядела их всех.

Прежняя хозяйка этого тела, наверное, избегала таких взглядов. Просила прощения за свою беспомощность или молчала, чтобы не видеть в чужих глазах жалость.

Новая не могла позволить себе ни того, ни другого.

— Марена сказала, что вам задерживают жалованье, — произнесла Аделина.

Слуги переглянулись.

Нисса побледнела. Орвен чуть опустил подбородок. Тильда поджала губы так, будто заранее приготовилась услышать: «Потерпите ещё».

— Сегодня я не буду обещать того, чего пока не могу выполнить, — продолжила Аделина. — У меня нет открытого доступа к казне Торнов. У меня мало сведений и ещё меньше союзников. Но я намерена знать точную сумму долга каждому из вас. И я намерена вернуть то, что принадлежит вам.

Тильда усмехнулась. Не зло — устало.

— С вашего позволения, госпожа, нам это уже говорили.

— Кто?

Кухарка замаялась. Орвен предупреждающе глянул на неё, но Аделина подняла руку.

— Я спросила, потому что хочу услышать ответ, а не наказать за него.

Тильда всё ещё сомневалась. Потом решилась:

— Управляющий главного дома. Лордские писари. Иногда люди леди Вейл. Все говорили, что северному крылу выделяют положенное, когда будут закрыты старшие расходы.

— Люди леди Вейл распоряжались северным крылом? — уточнила Аделина.

Марена, стоявшая справа, застыла.

Слишком быстро.

Значит, попала.

Тильда поняла, что сказала лишнее, и уставилась в пол.

— Не распоряжались, госпожа. Просто... передавали указания.

— Чьи?

— Главного дома.

— Главного дома или леди Вейл?

В малой гостиной стало тихо. Даже Лин перестал переступать с ноги на ногу, хотя поленья у него в руках наверняка становились тяжелее.

Орвен кашлянул.

— Госпожа, формально приказы приходили с печатью управляющего.

— Формально, — повторила Аделина. — А неформально?

Старый дворецкий посмотрел на Марену, потом на неё. Его лицо оставалось почтительным, но взгляд был не слепым. Он оценивал, как далеко можно доверять женщине, которая вчера вечером вышла из большого зала живой и не сломленной.

— Неформально, — сказал он наконец, — северное крыло считалось расходом, который не приносит дому пользы.

Аделина медленно кивнула.

Расходом.

Она. Арин. Люди, которые топили его комнату, готовили ему еду, чинили его одежду, сидели у двери, когда он спал.

Расходом.

— С сегодняшнего дня северное крыло перестаёт быть расходом, — сказала она. — Оно будет домом. Маленьким, холодным, плохо обеспеченным, но домом. А в доме люди не должны бояться спросить заработанное.

Гарт впервые поднял глаза.

— Это красивые слова, госпожа.

В голосе его не было дерзости. Только суровая проверка.

— Да, — согласилась Аделина. — Поэтому начнём не со слов.

Она положила на стол маленькую шкатулку.

Марена увидела её и резко повернула голову.

Шкатулка была простая, тёмная, с потускневшей серебряной застёжкой. Аделина нашла её ночью в нижнем ящике туалетного столика. Внутри лежали три пары серёг, тонкая цепь, два кольца и несколько монет. Немного. Унизительно мало для жены канцлера. Но достаточно, чтобы сделать первый шаг.

— Это мои личные украшения, — сказала она. — Не родовые. Не подаренные домом Торнов для церемоний. Марена подтвердила, что я могу распоряжаться ими сама.

— Госпожа, — тихо сказала Марена, — это последнее, что у вас есть.

— Нет. Последнее, что у меня есть, спит в детской и держит деревянного дракона. Всё остальное — средство.

Нисса подняла на неё глаза, полные такого внезапного чувства, что Аделина почти отвела взгляд. Жалость? Надежда? Преданность? Нет, пока рано. Люди, которым долго не платили, имеют право не верить с первого жеста.

— Орвен, — сказала она. — Вы умеете вести записи?

Старый дворецкий выпрямился так, будто ему вернули не обязанность, а достоинство.

— Да, госпожа.

— Составите список долгов. По каждому человеку отдельно. Без приукрашивания и без округления в пользу дома.

— Будет сделано.

— Марена, найдите человека, который сможет оценить украшения честно.

— В главном доме?

— Нет.

Марена чуть приподняла брови.

— Там, где цена не будет зависеть от желания унижить меня.

Гарт неожиданно сказал:

— В нижнем городе есть старик Бернон. Он работал с домом Торнов ещё при прежнем лорде. Не любит главного управляющего.

— Почему?

— Тот пытался сбить ему цену на серебряные кубки покойной леди.

Аделина посмотрела на него внимательнее.

— Откуда вы это знаете?

Гарт пожал плечом.

— Конюхи знают многое, госпожа. Просто нас редко спрашивают.

— Теперь буду спрашивать.

Это было сказано просто, но в комнате что-то изменилось. Не доверие ещё. Скорее осторожное смещение воздуха, как перед тем, как застывшая дверь впервые поддаётся плечу.

Аделина открыла шкатулку.

— До полной выплаты это не дотянет, — сказала она. — Но сегодня каждый получит хотя бы часть. Не подачку. Долг.

Тильда смотрела на украшения так, будто ей трудно было поверить, что госпожа действительно отдаст своё за чужой труд.

— А если канцлер запретит? — спросила она.

Аделина закрыла крышку шкатулки.

— Тогда пусть скажет мне это в лицо. При вас.

Тильда больше не усмехалась.

К полудню северное крыло уже не казалось мёртвым.

Не ожившим — до этого было далеко. Но в нём появился звук. Орвен вынес из кладовой старые книги учёта и теперь раскладывал их на столе в малой гостиной с почтительностью человека, который держит не пыльные тома, а свидетельства прожитых лет. Нисса с Лином открывали ставни в комнатах, куда, по словам Марены, не входили с прошлого зимнего сезона. Тильда громко ругалась на кухне, обнаружив, что половина припасов, числящихся в записях, никогда сюда не поступала. Гарт ушёл в нижний город с письмом Марены и шкатулкой, а вернулся уже через два часа — с мешочком монет и мрачным удовлетворением.

— Бернон сказал, что цена честная, — сообщил он. — И добавил, что если госпожа Торн наконец решила считать деньги, кое-кому в главном доме стоит начать плохо спать.

— Он так и сказал?

— Почти.

Аделина не стала спрашивать, что именно означало это «почти». Иногда полезно оставлять людям право на собственные формулировки.

Монет оказалось меньше, чем ей хотелось, но больше, чем она боялась. Часть сразу разложили по маленьким конвертам из плотной бумаги. Орвен подписывал имена ровным старческим почерком. Нисса, получив свой, долго держала его обеими руками, будто боялась, что бумага исчезнет.

— Это только часть, — сказала Аделина. — Остальное будет записано.

— Я понимаю, госпожа, — прошептала девушка.

— Нет, Нисса. Вы не просите милости. Вы получаете заработанное.

У девушки дрогнули губы.

Аделина не стала добавлять ничего утешительного. Слишком сладкие слова легко пачкаются. Она просто кивнула и перешла к следующему конверту.

К вечеру на столе перед ней лежали три книги учёта, два списка долгов, разорванная ведомость поставок и записка Орвена о том, какие комнаты северного крыла закрыты, какие нуждаются в ремонте, а какие почему-то числятся «выведенными из пользования» без объяснения причины.

Последняя строчка особенно заинтересовала Аделину.

— Что значит «выведены из пользования»? — спросила она.

Орвен поправил очки на переносице.

— Формулировка управляющего главного дома, госпожа.

— Комнаты опасны?

— Не все.

— Там что-то хранится?

— Возможно.

— Кто запретил входить?

Орвен помолчал.

— Формально — никто. Практически — ключи исчезли, а потом туда перестали отправлять слуг. Сначала говорили, что в этих комнатах сырость. Потом — что там старые вещи прежних леди Торн. Потом просто перестали говорить.

Аделина посмотрела на Марену.

— Вы знали?

— Я знала, что двери закрыты.

— А что за ними?

— Нет.

Ответ прозвучал честно. Не полно, но честно.

В этот момент в коридоре раздался шум.

Не суета северных слуг. Другой. Чёткий, тяжёлый, уверенный.

Гарт, стоявший у двери, выпрямился.

Марена сразу шагнула к Ариновым комнатам, но Аделина подняла ладонь.

— Не надо. Он пришёл ко мне.

Дверь малой гостиной открылась без доклада.

Рейгар Торн вошёл так, будто северное крыло не было забытым краем дома, а любое пространство вокруг него по праву становилось канцелярией, залом суда и полем боя одновременно.

Он был всё в том же чёрном, только без цепи канцлера. Но отсутствие знака власти не делало его менее опасным. Напротив, сейчас он выглядел не официальным лицом, а мужчиной, который лично пришёл туда, куда раньше считал необязательным заходить.

За его спиной стоял молодой посланник из вчерашней комнаты и ещё двое стражников. Селесты не было. Советников тоже.

Аделина отметила это с холодным удовлетворением. Значит, разговор будет не для чужих ушей. Значит, вчера она всё-таки сдвинула что-то с места.

Слуги замерли.

Рейгар оглядел комнату. Стол, книги, ведомости, раскрытые счета, конверты, монеты, Ниссу с покрасневшими глазами, Орвена с пером в руке, Марену у дальней двери.

Его взгляд остановился на Аделине.

— Что здесь происходит?

Голос был ровным.

Слишком ровным.

Аделина не поднялась. Не потому, что хотела оскорбить его. Потому что если сейчас вскочит, вся комната снова вспомнит, кто здесь привык приказывать.

— Северное крыло считает свои долги, ваша светлость.

— Свой?

— Да. Здесь, как выяснилось, есть люди. У людей есть имена. И им давно не платят.

Посланник у двери едва заметно поморщился. Рейгар не обернулся, но наверняка услышал движение за спиной.

— Выйдите, — сказал канцлер.

Слуги не шелохнулись.

Интересно.

Ещё вчера они, наверное, исчезли бы до конца фразы. Сегодня ждали взгляда Аделины.

Рейгар заметил и это.

В его глазах вспыхнул тёмный янтарь.

Аделина закрыла книгу учёта.

— Все свободны. Но далеко не уходите. Нам ещё предстоит закончить записи.

Слуги поклонились и вышли один за другим. Марена последней. Перед тем как закрыть дверь, она встретила с Аделиной взглядом.

«Позвать, если что».

Аделина едва заметно кивнула.

Дверь закрылась.

В комнате остались только она и Рейгар.

Он не сел.

— Вы устроили переполох в моём доме.

— В вашем доме переполох случился задолго до меня. Я только открыла книги.

— Вы продали личные украшения.

— Да.

— Без согласования.

— Они личные.

— Вы жена главы рода Торн.

— Вчера за столом мне ясно дали понять, что я мать ребёнка и жительница северного крыла. Сегодня это оказалось удобным: жительнице северного крыла пришлось заняться северным крылом.

Рейгар подошёл к столу. Взял одну из ведомостей. Пробежал взглядом.

Лицо его не изменилось, но Аделина увидела, как пальцы чуть сильнее сжали край бумаги.

— Кто дал вам эти записи?

— Орвен.

— Он не имел права.

— Не платить ему три месяца тоже никто не имел права. Но это почему-то случилось.

Рейгар поднял глаза.

— Вы обвиняете меня?

— Я задаю вопрос.

— Вы не знаете, как устроено содержание боковых крыльев.

— Зато уже знаю, как выглядит детская, где экономят на тепле.

Фраза ударила точно.

Не в ярость. Глубже.

Рейгар медленно положил ведомость обратно.

— Арин не должен был ни в чём нуждаться.

— Но нуждался.

— Мне докладывали другое.

— Кто?

Он молчал.

Аделина почти видела, как внутри него срабатывают привычные замки. Канцлер не любил отвечать, когда ответ делал его уязвимым. Мужчина, привыкший распоряжаться имперскими спорами, вдруг оказался перед простой, некрасивой правдой: в его собственном доме маленький сын жил в крыле, где слуги месяцами ждали заработанного, а очаг горел вполсилы.

— Управляющий будет допрошен, — сказал он наконец.

— Нет.

Рейгар посмотрел на неё так, словно она второй раз за сутки отказала ему при полном зале.

— Нет?

— Если вы сейчас просто накажете управляющего, все решат, что дело закрыто. Мне нужна не одна голова для показательного гнева. Мне нужно понять, как это стало возможным, кто подписывал, кто передавал указания, кто прикрывался вашим именем и кто решил, что северное крыло можно списать как ненужную комнату.

— Вы говорите так, будто собираетесь вести расследование.

— Я собираюсь вести дом.

В комнате стало тихо.

Снаружи скрипнула где-то дверь, потом стихла. За стенами северного крыла шла своя жизнь, осторожная, прислушивающаяся. Наверняка все слуги сейчас пытались угадать, кричит ли канцлер. А он не кричал.

Это почему-то было опаснее.

— Вы изменились, — сказал Рейгар.

Аделина почувствовала, как внутри всё напряглось.

Опасная земля. Каждое слово могло выдать её. Но отступить в прежнюю слабость было ещё опаснее.

— Возможно, меня слишком долго не замечали, — сказала она. — У людей бывает свойство становиться неожиданными, когда на них наконец смотрят.

Рейгар не отводил глаз.

— Вчера вы говорили так, словно не знаете законов.

— Я их и не знаю.

— Но уже спорите с ними.

— Я спорю не с законами. Я спорю с теми, кто использует их против ребёнка.

— Арин не только ребёнок.

— Для вас?

Он резко приблизился к столу. Теперь их разделяла только ширина дубовой столешницы, на которой лежали счета северного крыла — убогие, пыльные, куда более честные, чем придворные речи.

— Для империи, — сказал он низко. — Вы не понимаете веса его крови.

— Тогда объясните.

Рейгар замолчал.

Она ждала. Не торопила. Не смягчала взгляд. Ей действительно нужно было понять. Не для того, чтобы согласиться. Для того, чтобы знать, как защищаться.

— Императорский дом слабеет, — произнёс он наконец. — Прямые наследники либо умерли, либо не признаны родовыми печатями. Совет ищет линию, которую примут старшие драконьи дома. Кровь Торнов подходит.

— То есть Арин нужен им как удобный знак.

— Как гарантия мира.

— Удобная формулировка.

— Это не игра, Аделина.

— Я уже поняла. В играх хотя бы спрашивают, кто ходит первым.

Его губы сжались.

— Ваш отказ не остановит совет.

— Зато заставит их учитывать меня.

— Вы переоцениваете своё положение.

— Возможно. Но вы вчера тоже недооценили меня, и теперь стоите в северном крыле среди счетов, которые, кажется, видите впервые.

Удар был рискованный.

Рейгар мог разозлиться. Мог приказать закрыть книги, забрать Арину охрану, выставить слуг, вернуть её к прежнему молчанию. Но он стоял неподвижно, и в этом неподвижном лице впервые появилось нечто, похожее не на гнев, а на неприятное осознание.

— Что вы хотите? — спросил он.

Аделина не ожидала, что он задаст вопрос так быстро. Но ответ уже был в ней.

— Первое: северное крыло получает положенное содержание напрямую, без посредников леди Вейл и без устных распоряжений её людей.

— Селеста не распоряжается домом Торнов.

— Тогда вам будет легко это подтвердить.

На его лице мелькнула тень.

— Второе? — спросил он.

— Все долги слугам будут выплачены полностью.

— Будут.

— Письменно.

Он смотрел на неё долго.

— Вы требуете от меня письменного обязательства в моём доме?

— Нет. Я требую, чтобы люди, которые уже слышали устные обещания, получили что-то твёрже воздуха.

Рейгар чуть склонил голову. Странное движение. Не согласие ещё. Скорее признание удара.

— Третье?

Аделина помедлила.

Вот здесь начиналось главное.

— Арин остаётся в северном крыле. Никто не входит в его комнаты без моего разрешения. Ни стража, ни посланники, ни представители совета.

— Вы просите невозможного.

— Я требую необходимого.

— Он мой сын.

— Тогда приходите к нему как отец. Не как приказ.

Эти слова изменили воздух между ними.

До этого они спорили о деньгах, комнатах, праве, доме. Теперь в центре снова оказался Арин — маленький мальчик, который спрашивал, сердится ли отец.

Рейгар отвёл взгляд первым.

Совсем ненадолго. Но Аделина увидела.

— Я не причинял ему вреда.

— Я этого не говорила.

— Но подумали.

Она могла бы солгать. В прежней жизни, наверное, солгала бы из вежливости, страха или привычки смягчать острые углы. Здесь у неё не было такой роскоши.

— Да.

Рейгар усмехнулся. Без радости.

— Вы смелы, когда мало знаете.

— А вы слишком уверены, что знание оправдывает всё.

Он снова посмотрел на неё. Взгляд стал тяжелее, внимательнее, почти личным.

— Прежняя Аделина заплакала бы уже после первого моего слова.

У неё похолодели пальцы.

Вот оно.

Не подозрение ещё, но трещина.

Аделина медленно закрыла ладонью край книги учёта, заставляя себя не отступить.

— Прежняя Аделина слишком долго плакала без пользы.

— А теперь?

— Теперь у неё есть сын, которого собираются забрать.

Рейгар молчал.

Она выдержала его взгляд, хотя сердце билось слишком громко. Нельзя объяснять больше. Нельзя оправдываться. Любое лишнее слово станет ниткой, за которую он потянет.

Наконец он взял чистый лист из стопки Орвена, перо, стоявшее в чернильнице, и написал несколько строк. Быстро. Резко. Почерк оказался крупным, угловатым, властным даже на бумаге.

Аделина следила за его рукой.

Он поставил подпись, затем коснулся перстнем нижнего края листа. Серебряный оттиск вспыхнул тёмным янтарным светом и застыл гербом Торнов.

— Содержание северного крыла будет восстановлено, — сказал он. — Долги выплатят из основной казны. До выяснения обстоятельств распоряжения по северному крылу проходят через меня.

Он протянул ей лист.

Аделина взяла его не сразу.

— А Арин?

Рейгар не убрал руку.

— До рассвета третьего дня он остаётся здесь.

— Почему третьего?

— Потому что к тому времени совет пришлёт официальный вызов. И тогда ваш отказ станет не семейным спором, а нарушением императорского требования.

— Значит, у меня три дня.

— У вас три дня, чтобы одуматься.

— Нет, ваша светлость. У меня три дня, чтобы подготовиться.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд, потом отпустил лист.

Их пальцы почти соприкоснулись. Почти — но не совсем. Аделина почувствовала тепло его руки раньше, чем прикосновение случилось бы, и отступила ровно на полшага.

Рейгар заметил.

Что-то изменилось в его лице — едва заметно, но всё же. Как будто он привык, что она тянется к нему, а не отстраняется.

— Вы боитесь меня? — спросил он неожиданно.

Аделина подумала об Арине. О северном крыле. О женщине, которую называли запасной женой. О том, как легко этот мужчина мог сломать её жизнь одним приказом и даже не заметить, что под приказом была живая плоть судьбы.

— Да, — сказала она. — Но это больше не означает, что я буду молчать.

Ответ, кажется, оказался не тем, которого он ждал.

Рейгар чуть склонил голову, будто хотел сказать что-то ещё, но передумал. Затем повернулся к двери.

У самого порога остановился.

— Аделина.

Она подняла глаза.

— Не открывайте закрытые комнаты северного крыла без меня.

Сердце тихо ударило.

— Почему?

— Потому что в этом доме запирали не только ненужные вещи.

Он вышел, оставив после себя запах холодного ветра и розового камня.

Аделина стояла с листом в руке и смотрела на закрытую дверь.

Предупреждение могло быть заботой. Могло быть угрозой. Могло быть попыткой удержать её от того, что он сам не хотел показывать.

Пока она не знала, что именно.

А значит, должна была узнать.

Марена вошла через несколько мгновений, словно всё это время стояла в коридоре и считала удары собственного сердца.

— Он кричал? — спросила Нисса у неё из-за спины и тут же закрыла рот ладонью.

Аделина положила лист на стол.

— Нет. Он написал.

Орвен первым подошёл к документу. Прочёл. Потом очень медленно снял очки, протёр их и снова надел, будто не доверял глазам.

— Это настоящая печать его светлости.

— Значит, завтра вы пойдёте в главную казну, — сказала Аделина. — Не один. Марена с вами. Гарт тоже.

— Госпожа, — осторожно произнёс дворецкий, — казначей главного дома может попытаться отложить выдачу.

— Тогда покажете печать.

— А если он скажет, что должен уточнить?

— Скажите, что я уточню лично. В большом зале. При гостях.

Тильда, появившаяся в дверях, хмыкнула.

— Вот теперь похоже на хозяйку.

В комнате на миг стало неловко. Кухарка сама поняла, что сказала слишком много, и уже приготовилась извиниться, но Аделина лишь посмотрела на неё.

— Надеюсь, со временем будет не только похоже.

Тильда моргнула. Потом впервые поклонилась ей без прежней тяжёлой настороженности.

Вечер опустился на северное крыло иначе.

Очаг в детской горел ярче. Лин, сияя так, будто лично победил целую армию, принёс дополнительную вязанку дров. Нисса зашивала Арину рукав рубашки и тихо рассказывала ему историю о маленьком драконе, который потерялся в башне, но нашёл дорогу по запаху яблочного пирога. Тильда действительно испекла пирог — простой, немного неровный, зато горячий. Орвен запирали книги учёта в шкаф, но теперь уже не прятал их, а складывал как оружие, которое завтра снова понадобится.

Аделина сидела у Ариновой кровати и чинила деревянного дракончика.

Починить полностью не получилось. Крыло было обломано давно, края не сходились, и любая попытка сделать игрушку прежней выглядела бы обманом. Поэтому она попросила у Гарта маленькую тонкую пластинку тёмной кожи и закрепила её поверх слома. Крыло стало другим. Не таким, как прежде. Чуть неуклюжим, с заметным швом.

Но теперь дракон снова мог стоять ровно.

Арин наблюдал за ней с восхищением, будто она совершала невозможное.

— Он теперь не сломанный? — спросил он.

Аделина повернула игрушку в руках.

— Он теперь починенный. Это не одно и то же.

— Почему?

Она задумалась.

Потому что сломанное пытаются спрятать. Починенное несёт след, но живёт дальше.

— Потому что он помнит, что с ним было, — сказала она. — Но это больше не мешает ему летать.

Арин серьёзно кивнул, принял дракона и прижал к груди.

— Как ты?

Аделина замерла.

— Что?

— Ты тоже теперь не плачешь.

Ей нечего было ответить сразу.

Видимо, прежняя Аделина плакала часто. Тихо, наверное. Так, чтобы слуги делали вид, что не слышат. Так, чтобы ребёнок всё равно слышал.

Она погладила Арину по волосам.

— Я постараюсь больше не плакать так, чтобы ты боялся.

— А если тебе грустно?

— Тогда я скажу тебе, что мне грустно. А потом мы вместе решим, что делать дальше. Ребёнок посмотрел на неё с недоверием, как будто взрослые обычно не говорили таких вещей.

— Можно решать вместе?

— Некоторые вещи можно.

— А трон?

Слово прозвучало неожиданно. Маленькое, чужое в детской комнате.

Аделина почувствовала, как пальцы сами сжались на краю одеяла.

— Кто говорил тебе про трон?

Арин замялся.

— Тётя красивая.

— Какая тётя?

— Золотая.

Селеста.

Аделина не пошевелилась, чтобы не испугать его резкой реакцией.

— Что она сказала?

Арин нахмурился, вспоминая.

— Что хороший мальчик должен сидеть ровно. Что отец будет гордиться, если я не стану плакать. И что когда-нибудь у меня будет большой стул, а мама будет далеко, потому что мамы мешают мальчикам быть сильными.

Внутри Аделины стало так холодно, что даже яркий очаг не помог.

Не из-за слов о троне. Из-за последнего.

Мамы мешают.

Значит, ребёнка готовили заранее. Не грубо. Не приказом. Мягко, красиво, с золотой улыбкой. Сначала научить его стесняться страха. Потом — отделить от матери. Потом — назвать это взрослением.

Аделина наклонилась к Арину.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел.

— Мамы не мешают быть сильными. Мамы мешают тем, кто хочет сделать вид, что ребёнок не боится.

Арин медленно провёл пальцем по кожаному крылу дракона.

— А я боюсь.

— Я тоже.

— Ты?

— Да.

Он удивился так искренне, что сердце у неё болезненно сжалось.

— Но ты всё равно сказала «нет».

— Потому что бояться и соглашаться — разные вещи.

Арин подумал, потом сонно зевнул.

— Я тоже скажу нет?

— Когда понадобится. Но пока можешь просто быть маленьким.

Он закрыл глаза не сразу. Сначала устроил дракончика на подушке, потом протянул руку, и Аделина поняла не сразу, чего он хочет. Потом дала ему свою ладонь. Маленькие пальцы легли на её пальцы и постепенно расслабились.

Так он и уснул.

Она сидела рядом ещё долго, пока свеча не стала короче на треть, а за окном окончательно не потемнело.

В коридоре вдруг послышался короткий, сдавленный вскрик.

Аделина поднялась сразу. Осторожно, чтобы не разбудить Арина, высвободила ладонь и вышла в коридор.

Нисса стояла у двери детской, прижимая к груди мокрую тряпку, а Гарт держал в руке тонкую полоску золотистой ткани.

— У окна, госпожа, — сказал он глухо. — Снаружи сбита пыль на карнизе. Кто-то стоял там недавно. Не из наших.

Марена забрала у него ткань и побледнела.

— Такой шёлк носят в главном крыле.

Аделина посмотрела на закрытую дверь детской. За ней спал Арин, только что спросивший про трон и красивую золотую тётю.

— С этой минуты у окна стоит человек, — сказала она. — И если кто-то снова приблизится к детской без моего разрешения, пусть сначала объяснит, почему выбирает ночь и чужой карниз вместо двери.

Потом пришла Марена.

— Госпожа, — сказала она тихо. — Орвен нашёл кое-что в старых счетах.

Аделина осторожно высвободила руку из ладони Арина.

— Что?

— Платёж за обслуживание западной стены северного крыла. Ежегодный. Подписан прежним лордом Торном. Но западную стену никто не обслуживал на моей памяти.

— Может быть, ошибка?

— Орвен говорит, платежи шли двадцать лет. Каждый год. Даже после того, как комнаты закрыли.

Аделина медленно поднялась.

— Покажите.

Западная стена северного крыла находилась в той самой тёмной галерее, на которую Марена смотрела утром.

Туда не доходил запах кухни, не долетал детский голос, не проникало тепло жилых комнат. Узкий коридор был длинным, с низкими арками и старыми портретами, настолько потемневшими, что лица на них превратились в пятна. Пол покрывала пыль, но не везде равномерно. У одной стены следы были нарушены.

Аделина опустила на корточки, держа подсвечник ниже.

— Здесь ходили.

Марена нахмурилась.

— Недавно?

— Не знаю. Пыль сбита у стены, но не по центру коридора. Значит, кто-то подходил именно сюда.

Орвен, стоявший позади, тихо сказал:

— В записях эта часть называется «участок третьей башенной кладки».

— Здесь есть башня?

— Была. Северная малая башня. Её заложили после смерти первой леди Торн.

— Почему?

Орвен развёл руками.

— В книгах не сказано.

Аделина провела ладонью по стене. Камень был холодный, неровный. Обычная кладка — на первый взгляд. Но родовые дома, как она уже успела понять, любили прятать правду за обычными вещами.

— Свет ближе, — попросила она.

Марена подняла подсвечник.

На одном из камней у самого пола Аделина увидела тонкую линию. Не трещину. Слишком ровную. Она провела по ней ногтем, потом нажала.

Ничего.

— Может, нужен ключ, — сказал Орвен.

— Или имя.

Аделина сама не знала, почему произнесла это. Мысль пришла не из знания. Из ощущения. В этом доме всё важное отзывалось на право, кровь, титул, слово.

Она положила ладонь на камень.

— Аделина Торн.

Стена молчала.

Марена выдохнула, будто и не надеялась.

Аделина закрыла глаза. Если печать откликнулась не на имя жены, не на прежнюю женщину, которую годами не замечали, то на что? На отказ? На защиту? На Арина?

Она вспомнила маленькую ладонь в своей руке. Тёмно-золотую чешуйку на запястье. Слова Рейгара: «Кровь Торнов подходит». Слова Селесты: «Мамы мешают мальчикам быть сильными».

Нет.

Она снова коснулась камня.

— Я мать Арина Торна. И я требую открыть то, что касается его права.

На этот раз ответ пришёл не сразу.

Сначала по стене прошёл слабый холодный шорох, будто за камнем кто-то провёл когтями. Потом один из старых портретов в коридоре тихо качнулся, хотя ветра здесь не было. Под ладонью Аделины тонкая линия вспыхнула золотым светом.

Марена отступила на шаг.

Орвен прошептал что-то невнятное.

Камень под рукой ушёл внутрь.

Без скрежета. Без тяжёлого грохота. Часть стены медленно повернулась, открывая узкую нишу, запечатанную серебряной рамкой. Внутри лежал длинный футляр из тёмного дерева. На крышке — тот же чёрный дракон вокруг башни. Только башня была без короны.

Аделина достала футляр осторожно. Он оказался удивительно тёплым, будто хранил не бумагу, а чьё-то дыхание.

— Не открывайте здесь, — быстро сказала Марена.

— Почему?

— Не знаю. Просто... не здесь.

В этот момент где-то далеко, в глубине дома, снова глухо ударила печать.

Один раз.

Но теперь звук был другим. Не пробуждение. Не предупреждение.

Признание.

Они вернулись в малую гостиную почти без слов. Орвен запер дверь. Марена поставила подсвечники по углам стола. Аделина положила футляр перед собой и только тогда заметила, что пальцы у неё дрожат.

Она не была всемогущей. Не была готовой. Не знала половины правил и могла ошибиться в любой момент.

Но вот перед ней лежало то, что кто-то двадцать лет прятал в стене.

И Рейгар перед уходом сказал: не открывайте закрытые комнаты без меня.

Слишком поздно, ваша светлость.

Аделина провела пальцем по серебряной застёжке.

Та раскрылась сама.

Внутри лежала родовая грамота. Плотный пергамент, тёмный от времени, с широкими строками, выведенными старинным почерком. Аделина не знала этого языка полностью, но, едва коснувшись края, вдруг поняла отдельные слова — не глазами, а будто самой кожей.

Марена читала быстрее. Лицо её менялось с каждой строкой.

— Что там? — спросила Аделина.

Управительница побледнела.

Орвен взял пергамент, пробежал взглядом, и старческие пальцы сжались так, что бумага едва не хрустнула.

— Госпожа...

— Говорите.

Марена подняла на неё глаза.

— По этой грамоте ребёнок, рождённый от жены, признанной северной печатью, не может быть передан императорскому совету без согласия матери.

Аделина перестала дышать.

— Повторите.

— Арин не просто наследник крови Торнов, — сказал Орвен хрипло. — Если северная печать откликнулась вам, вы становитесь не опекуней при ребёнке, а хранительницей его права. Совет не может забрать его приказом. Даже канцлер не может.

Тишина раскрылась перед Аделиной, огромная и опасная.

Всё, что ей говорили вчера, было не всей правдой.

Рейгар знал?

Селеста знала?

Совет знал?

Аделина посмотрела на футляр с драконом и башней без короны.

— Значит, мой сын имеет больше прав, чем мне сказали.

Марена медленно кивнула.

И в этот миг в дверь малой гостиной постучали.

Три коротких удара.

Не северный слуга. Не Марена. Не Нисса.

Орвен быстро накрыл грамоту пустой ведомостью, но Аделина уже знала: поздно. Слишком громко билась печать. Слишком живым стал воздух.

Дверь открылась.

На пороге стоял посланник Рейгара, бледный и собранный.

— Леди Торн, — сказал он, поклонившись. — Его светлость велел передать: в доме обнаружено вскрытие старой родовой ниши. Канцлер требует немедленно вернуть найденное.

Аделина медленно положила ладонь поверх скрытой грамоты.

Теперь она поняла.

Рейгар знал.

Не всё, возможно. Но достаточно.

Она подняла глаза на посланника.

— Передайте его светлости, — сказала Аделина ровно, — что я ничего не возвращаю. Он может прийти сам и объяснить, почему право моего сына двадцать лет прятали в стене.

Ребёнок с драконьей печатью

Посланник не сразу понял, что должен ответить.

Он стоял на пороге малой гостиной, прямой, выученно вежливый, с лицом человека, которому с детства объяснили: приказы канцлера Торна не обсуждают. Их передают. Их исполняют. Их боятся даже те, кто делает вид, будто служит не страху, а порядку.

Но сейчас женщина, которую в главном доме привыкли считать тихой тенью северного крыла, сидела за старым круглым столом и держала ладонь поверх спрятанной грамоты так спокойно, будто за её спиной уже стояла целая армия.

Армии у неё не было.

У неё были Марена, Орвен, несколько свечей, закрытая дверь и пергамент, который мог изменить всё.

Этого оказалось достаточно, чтобы посланник побледнел.

— Леди Торн, — произнёс он осторожно, — я обязан повторить распоряжение его светлости. Всё, что было извлечено из родовой ниши, принадлежит главе дома Торнов.

— Не всё, что спрятано в стенах, принадлежит тому, кто приказал молчать, — ответила Аделина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.